

© 2004 г.

О.А. КАРМАДОНОВ

"СИМВОЛ" В ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИОЛОГОВ

КАРМАДОНОВ Олег Анатольевич - кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения и социальной экономики Иркутского государственного университета.

Прикладное значение символов. Феномен символического, несмотря на достаточно пристальное к нему внимание со стороны социальных и гуманитарных наук, в прикладных социологических исследованиях не использовался еще в адекватной степени. Символический интеракционизм (в этом заключается один из его парадоксов), утверждая символ в качестве основного элемента социальных взаимодействий и социальной реальности вообще, применял данный феномен как методологическую посылку, но не в качестве категории прикладных исследований [1]. Подобное наблюдается в феноменологической [2], когнитивной социологиях и социологии знания, напрямую

выходивших на проблематику символического, но не сумевших найти применение символу в эмпирических исследованиях. Традиционно в них уделялось внимание функциональности символа, прежде всего, "коммуникативной функции", собственно понятие "символ" и его трансформации. Представляется, что такая методологическая недосказанность отмеченных подходов обусловлена недостаточной последовательностью их собственного дискурса. Если мы принимаем, что основным средством и содержанием социальных отношений являются символы, что структуры "жизненного мира" есть категории знакового характера и что социальный мир создается и пересоздается с помощью символических форм, то есть феноменальный (равно как и ноуменальный) мир есть многоуровневая символическая мегасистема, тогда мы должны принять и то, что эту систему следует изучать ее собственными средствами. Символы можно исследовать и анализировать только с помощью самих же символов, которые Хью Данкан считал "непосредственно наблюдаемыми содержательными данными социальных взаимоотношений" [1, р. 50]. Американский социолог отмечал тот парадокс, что мы вынуждены описывать "внесимволическую" реальность с помощью символов. Более того, согласно Данкану, "чисто формальный аспект символической системы (будь она математическая или лингвистическая), с помощью которой мы "сообщаем" о том, что наблюдаем в человеческих отношениях, будет определять, что мы можем "сообщить" о том, что увидели, равно как и то, что мы, собственно, увидели, поскольку мы в состоянии воспринимать вещи и события как социальные сущности только после того, как дадим им имена" [1, р. 51]. Незаконченность рассуждения до праксиологических выводов обусловила или преимущественно спекулятивную ценность указанных выше социологических подходов, или осуществленные в их рамках эмпирические исследования, основанные фактически на методологии, имеющей достаточно условное отношение к теоретическим пролегоменам. Другими словами, "принцип охвата" Герберта Блумера [3] постулировался и одновременно нарушался - методология либо сводилась к набору конкретных методов и техник эмпирического исследования, либо носила характер преимущественно теоретических допущений и утверждений, вместо того, чтобы определять и охватывать все элементы социологического поиска [4]. Подчеркнем, что речь идет не о качественном исследовании вообще, не об интерпретативных методиках как таковых, а о тех стратегиях прикладного социального исследования, которые непосредственно и недвусмысленно использовали бы в своих эмпирических подходах собственно "символ" как инструмент, категорию и единицу анализа. Автору известны только две серьезные попытки такого рода. К ним относятся исследование, осуществленное Гарольдом Лассуэлом с коллегами в 1952 г. в рамках проекта RADIR (Revolution and the Development of International Relations) Института Гувера Стэнфордского университета и работа датского психолога Джерарда Девита (1962), посвященная возрастному символизму. Исследование, проведенное под руководством Лассуэла, содержит анализ "ключевых символов современной политики": основным тенденциям их трансформации и характеру функционирования, а также собственно методологическим проблемам изучения символической сферы. В качестве конкретного эмпирического метода сбора данных использован относительно новый в то время (начало 50-х гг. прошлого века) контент-анализ. Социологи пояснили свой подход к анализу символического содержания следующим образом: «Что объединяет большинство исследователей, говорящих о "символах" (как техническом термине для слов), так это интерес к потоку слов, как выражению представлений. Слова есть "символы", поскольку они означают (символизируют) представления тех, кто использует их. Символический аналитик имеет дело со словами, отбирая те из них, которые наиболее точным образом отражают представления, наличие или отсутствие которых необходимо установить и описать. Символы, понимаемые таким образом, служат в качестве "операциональных индексов" представления» [2, р. 29]. Фокус исследования был сделан на "изменении словарей современных элит", при котором в качестве аналитического материала, или символов, были избраны ключевые слова, прямым обра-

зом связанные со стабильностью элиты того периода - "конкурирующие словари политической идеологии". Общая схема проекта RADIR предполагала осуществление сравнительного анализа мировых тенденций в отношении пяти ценностей-целей: *демократии, безопасности, братства, изобилия, и просвещения*. Для минимизации эффекта разночтения в самом начале исследователями сформулированы единые операциональные значения этих понятий. Анализировалась пресса Великобритании, России/ СССР, США, Франции и Германии с 1890 по 1949 г. Схема анализа включала следующие категории: объем внимания, уделяемого объекту исследования той или иной ценности-цели в соответствующих изданиях; оценочный контекст; интенсивность (частота упоминания); трансформация во времени и пространстве; характер взаимодействия: *а*. символа с символом; *б*. символа с событием; *с*. события с символом. В ходе исследования было выделено 416 символов, составивших "основной список", из них 206 единиц являлись названиями национальных, или подобного рода образований - стран, национальных меньшинств, континентов и т.п. 210 единиц анализа представляли собой "ключевые символы" главных идеологических систем, соревновавшихся в мировой политике на протяжении последнего (на момент исследования) полувека. Анализировались только редакторские статьи; встретившийся в публикации символ из списка фиксировался 1) как присутствующий; 2) как одобряемый, порицаемый, или нейтрально упоминавшийся, независимо от количества упоминаний его, начиная с одного раза. Это позволило представить сумму статей, в которых присутствовал тот или иной символ, а не частоту его появлений вообще. Необходимо подчеркнуть, что Лассуэл с коллегами ограничили свой список символов существительными, считая что беспорядочная смесь затруднит учет различий в частоте распределения разных элементов относительно объекта анализа. Однако в ходе исследования и особенно при подведении его результатов авторы вынуждены были признать ошибочность своей позиции и проблематичность такого рода редукции. "По мере того, как мы продвигались вперед, стало ясно, что по многим причинам лучше было бы избрать какой-то другой подход. Вследствие игнорирования несущественных частей речи остались необследованными широкие территории смыслов. Решение этой проблемы мы оставляем для контент-анализа будущего" [2, р. 59]. Социологи, тем не менее, посчитали свое исследование достаточно успешным, в целом решившим стоявшие перед ним задачи. Помимо собственно изучения символизма международной политики [5], ставилась цель совершенствования метода контент-анализа. Статус символа, приданный ему в ходе этого опыта совершенно оправданно, на наш взгляд, подразумевавший известную универсальность: символ являлся одновременно теоретическим базисом, измерительным средством, категорией и единичей анализа. Вместе с тем, заметна неудовлетворительная проработка гносеологических оснований символического, его априорное принятие в качестве подходящей категории. Кроме этого, действительно вызывает много вопросов концентрация на существительных, что, в принципе, является следствием недостаточности теоретического анализа символического.

Следующий случай - исследование Дж. Девида, определяемое им как "эмпирический феноменологический подход к возрастным аспектам символического мышления в словесных ассоциациях и символическом значении слов". Исследование датского психолога посвящено символизму, ассоциациям, которые вызываются определенными словами у мужчин и женщин трех возрастных групп - подростков, юношества и взрослых. Девида предваряет практическую часть своей работы тщательно проработанной теоретической частью, основное внимание в которой он сосредоточивает на проблеме взаимоотношений символа с *сигналом* и *знаком*. Автор дифференцирует эти категории на том основании, что "знаки и сигналы, по его мнению, указывают на нечто, символизируемое им в мире внутреннем" [3, р. 24]. Такое разделение не представляется достаточно обоснованным: символ, в нашем понимании, указывает как на внешние объекты - факты социального мира, так и на внутренние - содержание сознания и психики носителя. Более того, один и тот же символ обладает, как правило, двойст-

венной указательной, или аппрезентационной сущностью - отсылка к "внешнему" референту сопровождается той или иной корреляцией с референтом "внутренним". В противном случае, символы не обладали бы той мощной мотивационной характеристикой, которая всеми исследователями отмечается как одно из основных качеств. В итоге Девит определяет символизм как психологическую функцию межличностной коммуникации выделяет его сущностные характеристики: "аналоговое подобие, или ассоциативное отношение, основанное на образном воплощении референта; обращение этой воплощенной репрезентации к силам воображения воспринимающего; стимуляция мысленного сочетания образного восприятия и репрезентированного референта" [3, р. 33]. Тем самым он не жестко следует своему пониманию символа как преимущественно персонального феномена: социальность символического с неизбежностью проявляется (хоть и не анализируется им отдельно) в эмпирической части. Исследование было сфокусировано на пяти аспектах символического мышления: а) возрастных характеристиках различий в ассоциативном и символическом мышлении в юношеской и взрослой возрастных группах; б) определении валидности классических сексуальных символов в перспективе психологии развития; в) отношениях между символизмом сексуальным и символизмом полов; г) эволюции символизма полов от ранней юности к взрослости; д) сексуальных отличиях символизма полов. Эмпирические процедуры выстроены Девитом следующим образом. Аудитории предлагался (в печатном виде) список пятидесяти существительных, выступавших в качестве стимулирующих слов и включавших понятия из классического фрейдистского набора символов, подразделявшихся на три основные группы - растения, животные и предметы [6]. Существительным отдано предпочтение перед глаголами, хотя Девит и не высказывает твердой уверенности в обоснованности этой редукции. Респондентам предлагалось последовательно выполнить четыре задания: в первом требовалось написать рядом с каждым словом из списка первое слово, которое им пришло на ум; во втором - написать рядом со словами из списка - что они значат для респондента символически ("лев" может символизировать "силу", "мужество" и т.д.); в третьем - определить род элементов списка; в четвертом - объяснить, *почему* предметы, растения, животные приписаны им к тому или иному роду. Во всех заданиях, кроме последнего, предлагалось ограничиться только одним словом-реакцией. Заметим, что для облегчения анализа, это требование понятно, но с точки зрения валидности возникают вопросы к такому ограничению. Итоговые реакции классифицированы Девитом следующим образом: 1) Конкретные аспекты; 2) Конкретная категория; 3) Деятельностный аспект; 4) Абстрактная категория; 5) Ассоциативный символ; 6) Конкретный аналоговый символ; 7) Абстрактный аналоговый символ; 8) Не классифицируемо; 9) Затруднился с ответом. Процесс обработки результатов заставил исследователя ввести категорию "действия", относящуюся к глагольной форме и составившую в итоге 30% от общего числа ответов. Изложение результатов этого интересного исследования не предполагается задачами настоящей статьи, нас в большей степени интересует использовавшаяся Девитом техника, однако о некоторых из них сказать необходимо. Исследователем зафиксирована одна чрезвычайно интересная особенность: респонденты раннего юношеского возраста (в среднем 14 лет) демонстрировали преимущественную склонность к логическому, формально-абстрактному категориальному мышлению (роза - цветок, три - число), что проявилось и подтвердилось на всех этапах тестирования. Взрослая аудитория (в среднем 28 лет) проявила тенденцию к абстрактному аналоговому символизму (роза - красота, круг - бесконечность), что позволило Девиту сделать вывод о том, что аналоговый символизм доминирует в символическом мышлении образованных взрослых людей. Психолог предположил на этом основании, что "тенденция к формальному абстрактному мышлению может рассматриваться в качестве эволюционного моста, ведущего от преимущественно конкретного ассоциативного способа мышления к преимущественно абстрактно-аналоговому символическому способу, характерному для мышления образованных взрослых" [3, р. 45—46]. Это означает, что аналоговый

символизм является характеристикой приобретаемой, развиваемой только в процессе социализации, то есть постоянной коммуникации с социальной средой. Именно в этой точке понимание Девином символизма, постулированное в теоретической части, вступает в противоречие с его собственными находками [3]. Как бы то ни было, данное исследование являет собой пример достаточно строгого научного подхода к проблеме использования символа в эмпирических социальных исследованиях. Как и в случае Лассуэла мы имеем здесь пример формализации символических категорий, несмотря на то, что американские социологи воспринимали свою технику как однозначно "количественную", а датский психолог описывает свой метод как проективный, качественный. Тем не менее, и в первом, и во втором случаях символ выступает одновременно как инструмент, категория, единица и результат анализа. Очевидна озадаченность по поводу роли остальных частей речи. Существительное, избранное в качестве основной исследовательской единицы, явно и неизбежно оставляет чувство не полной удовлетворенности. Похоже, ни Лассуэл, ни Девит не представляли себе достаточно четко - как можно преодолеть данное противоречие.

Посылки к исследованию такого рода по необходимости включают то, что можно назвать *номинативной* ступенью символизирования, то есть воплощенность символов в структуре языка. К предпосылкам, однако, должно относиться артикулированное понимание социальных фактов как символических явлений по своей сути и наоборот. Только в этом случае мы можем действительно социологизировать символ, вывести его за пределы умозрительности и спекулятивности, заставить его "сотрудничать" с прикладным социологическим анализом. Как писал Х. Данкан, «утверждение, что мы обязаны нашему взгляду на действия, как на факты, нашему восприятию слов, *как фактов*, открывает новые перспективы в социальном анализе символов. Вместе с тем, отбор символических "фактов" всегда обусловлен нашим интересом в том, что символические факты делают в конечном, "несимволическом" смысле; существует подспудная фактичность, к которой мы всегда можем вернуться для проверки нашей интерпретации. Короче, мы должны основывать доказательства наших утверждений относительно социальных смыслов на самих символах» [4, р. 242]. Таким образом, содержание нашего сознания, восприятие окружающей реальности является отражением социальных фактов, данных нам как в непосредственном восприятии, так и в мнемонической перспективе и доступных для социологического изучения. Об этом же говорит Здислав Мах: "Мы воспринимаем реальность в соответствии со структурой значений модели мира и выражаем наши идеи и эмоции через символы, которые конституируют содержание этой модели. Тем самым, если мы хотим понять поведение людей, мы должны определить, как они воспринимают, то есть, мы должны реконструировать их модель мира" [5, р. 44]. О когнитивных системах, как интернализированных и воплощенных социальных структурах, писал и Пьер Бурдьё. По мнению французского социолога, «практическое знание социального мира, которое предполагается "рациональным" поведением внутри него, применяет в своих повседневных практиках классификационные схемы (ментальные структуры, или символические формы)... Заданная карта социального пространства может читаться и как точная таблица исторически возникших и усвоенных категорий, которые организуют идею социального мира в сознаниях всех субъектов, принадлежащих к этому миру, и сформированных им» [6, р. 468-469].

Таким образом, чтобы осуществить достаточно строгий символический анализ и обосновать возможность эмпирического применения символа, необходимо допустить: 1) что социальный мир является в высшей степени миром символическим; 2) что социальные факты как символические факты, являются содержанием индивидуального и коллективного сознания; 3) что это содержание, кроме *эйдетической* (образной) ступени, воплощается, в итоге на ступени номинативной; 4) что грамматическая структура языка может быть использована в качестве аналитического инструментария в социологических исследованиях. *Символ* определяется нами здесь как *обобщенное пред-*

ставление о ком-либо, чем-либо, основанное на интеллектуальном и витальном опыте индивида и/или общности, заключающее в себе способ выражения, результат выражения и образ переживания. Символ может быть перцептивным (смутным чувством), апперцептивным (четким концептом), существующим в сознании и психике своего носителя (индивида, общности), либо быть заключенным в каких-то культурных формах - живописи, музыке, скульптуре, архитектуре, народно-прикладном творчестве. Вместе с тем, разделение это весьма условно: символ сознания, психики есть одновременно и символ культурных форм, говоря точнее - он постоянно совершает ротацию их психики и сознания в культурные формы и обратно. Другими словами, определенное восприятие мира производит определенные культурные формообразования, а последние, затем, производят определенное восприятие мира. Данный вывод является констатацией, и в социологии был сформулирован достаточно отчетливо уже Гербертом Спенсером, говорившем о том, что "контроль объединения над своими единицами, имеет постоянную тенденцию к приведению их деятельности, воззрений и идей в соответствие с социальными требованиями; и эти деятельность, воззрения и идеи, постольку, поскольку они изменяются изменяющимися обстоятельствами, имеют тенденцию привести в соответствие с собой общество" [7, p. 124].

Конечная символическая триада, или символ-предел, представляет собой, по нашему мнению, комплекс, включающий в себя *когнитивный символ* (К-символ, существительное), *аффективный символ* (А-символ, прилагательное), *деятельностный символ* (Д-символ, глагол). Принципиальная символическая триада складывается у индивида, общности в отношении любого феномена-ноумена окружающего мира. Тем самым, для того, чтобы выяснить отношение к чему-либо, восприятие чего-либо, представление о чем-либо, необходимо выяснить состав характерной символической триады, сложившейся у индивида, общности, общества относительно того или иного объекта нашего внимания. Действуя таким образом, возможно реконструировать специфические символические комплексы, или, другими словами, субъективные/коллективные семантические пространства любой глубины и структурированности. Созданный символический комплекс являет собой набор представлений, способный к индукции и диверсификации и в этом смысле напоминает "дискурс" Р. Харре, однако, если последнее есть своего рода непрерывный поток сознания, неструктурированное "бормотание мозга", то символический комплекс есть известная фиксация, одномоментный срез такого потока сознания, его импрессионистическое отображение [8]. Исследуемый символический комплекс, или символ-предел может относиться к отдельному факту, явлению, событию, предмету, индивиду, группе или представлять собой комплексное представление о мире, социальной среде вообще.

Транссимволический анализ. Итак, нами выделена структура символизирующего (К-символ, А-символ, Д-символ). Подобный подход, на наш взгляд, позволяет реконструировать как приватные или групповые (национальные, профессиональные и т.д.) символические комплексы, семантические пространства в отношении отдельных структурных явлений ("любовь", "время", "счастье" и т.д.), так и создавать целые когнитивные карты мира, реконструировать саму ментальную структуру индивида/общности. Автором осуществлена попытка эмпирической утилизации обозначенных выше пролегоменов, в ходе которой был создан метод, получивший название *транссимволического анализа* (ТСА). В процессе апробации было установлено, что применение ТСА наиболее эффективно в опросных процедурах и в контент-анализе. С помощью этого метода мы: 1) в опросных методах вербализуем перцептивный символ, актуализируем его в символ апперцептивный (смутное переживание оформляем лингвистически); 2) в опросных процедурах и в контент-анализе - снимаем информацию непосредственно с номинативного уровня, полу- или полностью отрефлектированную. Методика, таким образом, является одновременно проективной и интерпретативной, качественной и количественной. Применение ТСА в опросных (письменных) формах может быть на-

звано более точно - с использованием находок и терминологии Альфреда Шютца - *тестом аппрезентационных отношений*.

В качестве конкретных примеров эмпирического использования символа через ТСА приведем два авторских исследования, осуществленных в период с 1998 г., результаты которых опубликованы как в отечественных социологических журналах, так и за рубежом. ТСА в опросных методах, или *тестах аппрезентационных отношений*, применялся, в частности, при исследовании стереотипов восприятия феноменов политической практики. Целью исследования являлась реконструкция символических комплексов, существующих у различных этнокультурных групп в отношении таких элементов политического пространства как "власть" и "свобода". Данные концепты, относящиеся к ситуативным феноменам второго метагоризонта, были избраны потому, что они - своеобразные альфа и омега политического пространства, разумеется, более наполненного (партии, выборы, гимн, президент, конституция, парламент и т.п., а также категории очевидности, относящиеся к данной сфере); их анализ позволяет реконструировать взаимоотношения власти и личности, проследить их исторические и онтологические детерминанты.

Был проведен анкетный опрос 280 российских студентов и 90 китайских (на родном языке, обучающихся в Иркутске) в возрасте от 19 до 23 лет. Респондентам предлагалось ответить на вопросы (или закончить предложение) следующего характера: "Власть, это (что?)" - реконструкция когнитивного символа); "Власть (какая?)" - реконструкция аффективного символа); "Власть (делает что?)" - реконструкция деятельностного символа. Аналогичные вопросы задавались и в отношении концепта "свобода". Кроме того, респондентам предлагалось соотнести "власть" и "свободу" с одним из предложенных (по М. Люшеру) цветов. В итоге по каждому из вопросов было выделено около 150 единиц анализа, которые сведены в несколько переменных или категорий анализа. Преобладающее восприятие власти российскими студентами - негативное, китайскими - осторожно-тактичное. Восприятие россиян подтвердилось при проведении тестирования "по Люшеру", китайцы же в ходе цветового теста отношений продемонстрировали значительно разнящиеся с данными ТСА результаты. "Свобода" в восприятии наших соотечественников - состояние маловразумительное и не такое уж необходимое, но приятное. Для китайцев это нечто, связанное с безусловной ответственностью, Данные ТСА и "теста Люшера" в обоих случаях практически совпали [8]. Таким образом, с помощью ТСА в ходе данного исследования были реконструированы символические комплексы в отношении двух ключевых элементов политического пространства, присущие россиянам и представителям китайских студентов. Полученные данные позволяют осуществить интерпретацию достаточного числа позиций для самых широких умозаключений относительно содержания политической культуры и специфики социально-политических процессов в обследованных этнокультурных типах. Метод транссимволического анализа, таким образом, продемонстрировал собственную эвристичность в практике социологического поиска, позволил высветить характер представлений, восприятий, картографировать определенные участки смысловых пространств респондентов. Многомерность этого метода в тесте аппрезентационных отношений была достигнута за счет комплексного понимания символа и его включения в разряд инструментальных сред, категорий и единиц анализа аффективного и деятельностного компонентов. Последнее позволило преодолеть затруднение, с которым столкнулся в ходе своего исследования Д. Девиц [9], изначально ограничивший себя только когнитивным элементом, хотя и вынужденный в дальнейшем расширить категории анализа за счет "деятельностного аспекта".

ТСА в *контент-анализе* применялся для исследования образов различных социальных групп России, тиражируемых через средства массовой информации. Исследование осуществлено на длительной временной шкале (1991-1999 гг.), что позволило проанализировать динамику образов, проследить направления и логику их трансформации в увязке с текущими социально-политическими событиями. Единицами анализа

являлись элементы символического комплекса (К-символ, А-символ, Д-символ), относящиеся в сообщениях СМИ к той или иной группе. Контент-анализ включал традиционные категории: "частота упоминания", "объем внимания", "суммарный рейтинг" группы. В ходе исследования выявлялась также динамика доминирующей для каждого обследованного года символической тирады (ДДСТ) в отношении объекта исследования (7 социально-экономических групп российского общества), и анализировалась динамика ее трансформации. Первенствующей считалась символическая триада, повторяющаяся по данной группе в соотношении с другими триадами не менее чем 3:1 на протяжении всего анализируемого года. Исследование позволило создать картину постоянно изменяющегося восприятия различных групп в российском обществе: воссозданы процессы обесценивания рабочих профессий, врачей и учителей, создания "бандитизма с человеческим лицом", крайне неровного отношения к военным, специфичного восприятия российского диссидентства и священничества. На одних только количественных показателях было бы невозможно реконструировать эти весьма характерные социальные процессы. Образы и факты, можно сказать, "ожили", благодаря примененному транссимволическому анализу [9]. Многомерность была достигнута благодаря включению аффективного и деятельностного компонентов символической структуры, с помощью чего мы избежали своеобразного социологического "когнитивного диссонанса", который испытал Г. Лассуэл и его коллеги в ходе своего исследования.

Одностороннее понимание символа свойственно многим исследователям феномена. "Символическая триада" их характеризует доминированием какого-то одного или двух из выделенных нами элементов, - "деятельностного" (Мид), "аффективного" (Парсонс, Осгуд), "когнитивного" (Пирс, Московис). Подходы и Лассуэла и Де Вита просто продолжают "традицию". Универсальность символа отмечается всеми исследователями, однако, когда дело доходит до анализа структурных элементов символического, или попыток его эмпирического использования, она редуцируется до какого-то одного, максимум двух признаков. Например, Бурдые особо подчеркивает компонент, называемый нами аффективным символом, когда о когнитивных схемах говорит, что "Все агенты данной социальной формации разделяют набор базовых схем восприятия, получающий начала объективации в парах антагонистических прилагательных, широко используемых для классификации и качественного определения личностей или объектов в самых разнообразных областях практики" [6, р. 468]. Американский философ Дэвид Расмуссен, в свою очередь, определяя символ в качестве *лингвистической модальности*, доказывает, что "символы есть одновременно аффективный и когнитивный, экзистенциальный и онтологический феномен. В сути своей, они комбинируют мир человеческих чувств с тем, что в когнитивном или онтологическом смысле имеет наибольшее значение в жизни людей. Символы, таким образом, эффективно соединяют с тотальностями человеческого опыта" [10, р. 5]. Надежда на правильность нашей трактовки основывается на факте, что все фиксируемые коллегами символические признаки исчерпываются выделенной нами структурой символа, то есть комплексом, включающим когнитивный, аффективный и деятельностный компоненты. Так или иначе, эти признаки отмечались и анализировались различными социологами, мы же всего лишь объединили их, что позволило вывести понятие *символа-предела*, как итогового многомерного знакового феномена, возникающего в ходе социально-когнитивной практики индивида и общности.

Таким образом, транссимволический анализ: 1. В значительной степени основан на трансформационной компоненте, исходит из понимания феномена социального изменения как основной реальности современного социального мира с соответствующим исследовательским фокусом; 2. Охватывает все части социального исследования от "предварительной картины мира", предпосылок и интуиций до конкретных процедурных этапов эмпирической стадии; 3. Использует в качестве структурообразующего компонента символ - категорию универсальную как в плане своей теоретической эвристичности и эмпирической утилитарности, так и с точки зрения приемлемости для

различных социальных и гуманитарных дисциплин, то есть, обладающую чертами потенциальной междисциплинарности, что позволяет рассматривать трансимволический анализ с точки зрения возможности его использования в прикладных социальных исследованиях [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Duncan H.D.* Symbols in Society. New York: Oxford University Press, 1968.
2. *Lasswell H.D., Lerner D., Sola Pool I.D.* The Comparative Study of Symbols. Hoover Institute Studies. Series. C: Symbols, № 1. Stanford, CA: Stanford University Press, 1952.
3. *De Wit G.A.* Symbolism of Masculinity and Femininity: An Empirical Phenomenological Approach to Developmental Aspects of Symbolic Thought in Word Associations and Symbolic Meanings of Words. New York: Springer Publishing Company, Inc., 1963.
4. *Duncan H.D.* Symbols and Social Theory. New York: Oxford University Press, 1969.
5. *Mach Z.* Symbols, Conflict, and Identity: Essays in Political Anthropology. Albany: State University of New York Press, 1993.
6. *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge, 1989.
7. *Spence H.* On Social Evolution. Selected Writings. Chicago: The University of Chicago Press, 1972.
8. *Кармадонов О.А.* Семантика политического пространства: Опыт кросскультурного трансимволического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I, № 4. (<http://www.soc.pu.ru:8101/publications/jssa/1998.4.karmad.html>)
9. *Кармадонов О.А.* Престиж и пафос, как жизненные стратегии социоэкономической группы. (Анализ СМИ) // Социол. исслед. 2001. № 1. (Доступно: <http://www.irex.ru/publications/polemika/7/karmadonov.htm>).
10. *Rasmussen D.A.* Symbol and Interpretation. Hague: Martinus Nijhoff, 1974.
11. *Blunter H.* Attitudes and the Social Act, in *Blunter H.* Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Berkeley: University of California Press, 1969.